

АРХИПЕЛАГ СПРАТЛИ ВЧЕРА и СЕГОДНЯ*

Инициатива Института востоковедения представляется важной и полезной, несмотря на все непростые события, которые мы переживаем в эти дни. Это уже вторая встреча специалистов по положению в Южно-Китайском или Восточном море (ВМ), как говорят во Вьетнаме. Первая проходила здесь год назад. И не важно, что обсуждаемые на этой встрече события произошли в уже далёких 1979 и 1988 гг. Ясно, что это только хороший повод для внимательного рассмотрения современной ситуации, которая даёт всё больше поводов для беспокойства и даже тревоги

Если принадлежность Парасельских островов, находящихся в северной части ЮКМ, оспаривают между собой только Китай и Вьетнам, то претензии на «совладение» или на «совместное освоение» зоны архипелага Спратли предъявляют также еще две страны — Филиппины и Малайзия, а также Тайвань. По участкам акватории ЮКМ из-за границ ИЭЗ и территориального шельфа спорят всё те же Китай и Вьетнам, Филиппины и Малайзия, к которым добавляются Бруней и потенциально Индонезия. Но споры относительно суверенитета идут и между этими странами тоже.

В 1988 г. на пике возникшей напряженности в отношениях с СРВ, переживавшей тяжелейший период послевоенного восстановления, Китай высадил десант на пять небольших островов архипелага Спратли, выбив оттуда и уничтожив небольшой вьетнамский гарнизон.

Ровно год назад 14 марта ЦРУ опубликовало документы проливающие свет на позицию США во время боев 1988 г. на

*Доклад, представленный на Научной межинститутской конференции Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН «Роль СССР в конфликтах во Вьетнаме в конце 70-х – 80-е годы XX века», 11 марта 2014 г.

Спратли. В нем содержится информация о произошедшем 14 марта сражении и говорится, что противоречия двух сторон приведут к новым стычкам в будущем. Там же говорится, что Китай завершил строительство своей базы на одном из островов создал опорные пункты ещё на 5 островах (Chu thap) Крест.

Вьетнам ответил на эти действия КНР по дипломатическим и военным каналам, представляя себя как жертву агрессии Китая и укрепив свои уже имевшиеся позиции и захватив тоже ещё несколько рифов, По мнению ЦРУ, Вьетнам будет оборонять Спратли, но не исключали и возможность ответного удара по китайским кораблям или по их базе, если китайцы будут продолжать свои провокации.

Китайская пресса уже давно и постоянно обвиняла Вьетнам в нагнетании напряженности на Спратли и захватывании всё новых островов. Особенно активную кампанию вел китайский представитель в ООН. Задачей состояла в том, чтобы изолировать СРВ и ослабить возможную реакцию других стран на его действия. Одновременно другие страны ЮВА убеждали, что Китай имеет виду только Вьетнам и никого другого. ЦРУ уже тогда было ясно, что Китай намерен установить свой суверенитет на Спратли и опередить в этом все другие государства региона.

Уже тогда Китай стремился приуменьшить значение произошедшего столкновения, представляя его как чисто двустороннее дело с Вьетнамом. Удар было решено нанести именно весной 1988 г., когда в Пекине увидели, что международное внимание приковано к событиям в Камбодже. Вместе с тем Китай хотел нанести этот удар и захватить острова до того, как АСЕАН ослабит напряженность в отношениях с Вьетнамом из-за оккупации Камбоджи.

Вьетнам ответил на эти действия КНР по дипломатическим и военным каналам, представляя себя как жертву агрессии Китая и укрепив свои уже имевшиеся позиции и захватив тоже ещё несколько рифов. Были приняты меры по мобилизации всех имевшихся у него сил на базе Камрань. Вьетнамские самолеты вылетали на патрулирование. Но в докладе ЦРУ говорилось, что ВМС и ВВС Вьетнама значительно слабее китайских, а все меры, принимавшиеся вьетнамским командованием

были рассчитаны только на то, чтобы показать Китаю, что Вьетнам будет защищать свои острова на Спратли любой ценой.

В докладе ЦРУ также отмечено, что Китай был особенно удовлетворен тем, что Москва осталась нейтральной в этом вопросе. СССР в это время оказался в сложном положении, желая сохранить хорошие отношения с СРВ и в то же время нормализовать отношения с КНР.

СССР поддержал призывы СРВ найти политическое решение конфликта, но заместитель министра иностранных дел СССР И. Рогачев, сообщало ЦРУ, отклонил просьбу Вьетнама вместе осудить действия Китая на Спратли.

Из этого краткого описания событий четко вырисовывается тактика китайских властей. Как и в 1974 г. на Параселлах, удар был нанесен точно в момент, когда было ясно, что противнику никто не поможет, а сам он дать достойный ответ будет не в состоянии.

После вывода американских войск с баз на Филиппинах в 1991 г. Китай начал предъявлять претензии практически на всё ЮКМ. В 1995 г. он занял риф Мисчиф, на который претендуют Филиппины. Это был его вооруженный конфликт с первой страной АСЕАН, кроме Вьетнама, который тогда ещё не был членом АСЕАН. Там до сих пор продолжается спор между Китаем, Тайванем и Филиппинами за газоносные поля. Настойчивость территориальных требований Китая становилась всё более непреклонной по мере постоянно возраставших потребностей страны в энергетических и рыбных ресурсах¹.

В обоснование своих претензий на Парасельские острова и архипелаг Спратли Китай с самого начала ссылается, во-первых, на право первооткрывателей и, во-вторых, на то, что в прошлом он постоянно осуществлял над всеми этими островами свою юрисдикцию. В доказательство приводятся некие исторические свидетельства времен династии Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.), и ссылки на довольно спорные археологические находки. Правда, при этом никогда не указывается, что с глубокой древности и вплоть до середины XIX века в Китае действовал «морской запрет» – система законов и практических мер, направленных на недопущение выхода подданных Китай-

ской империи в открытое море за пределы прибрежных вод без специального разрешения властей².

Практически все эксперты по морскому праву (естественно, кроме китайских) оценивают эту концепцию т.н. «исторического моря» как правовой абсурд, и вряд ли он будет применен, если и когда дойдет дело до разграничения суверенитета в ЮКМ³. В действующем морском праве вообще нет такого понятия «историческое море». Так, и Греция могла бы утверждать, что всё Средиземное море принадлежит ей, ибо греки были первыми, кто по нему плавал. Это, вероятно, хорошо понимали и в Китае, а потому в 1992 г. приняли свой собственный Закон о территориальных водах, на основе которого и предъявляются требования на суверенитет фактически над всем ЮКМ.

Эти требования остаются неизменными и повторяются из года в год в публикуемых в Китае научных трудах, в массовой пропаганде, а также и в выступлениях китайских представителей на различных международных форумах. Однако мало кто обращает внимание на то, что официально они никем из китайских руководителей пока нигде не оглашались. Это позволяет предположить, **что они используются скорее, как запросная позиция в идущем заочном торге**, заведомо сильно преувеличенная в надежде больше заполучить в возможном когда-то в будущем разделе. Скорее всего, это всё было сделано сознательно для того, чтобы оставить место для двусторонних переговоров с каждой из заинтересованных стран в отдельности, на чем неизменно настаивает Китай. При этом добиваться своих прав приходится соседям у Китая, а не наоборот.

Вьетнамские ученые убеждены в достоверности и неопровержимости своих «исторических доказательств». И их, действительно, имеется немало. Касаясь вопроса о разногласиях с китайскими историками по этим вопросам, известный вьетнамский дипломат и ученый Чан Чыонг Тхюи справедливо отметил на одной из проходивших в 2011 г. международных научных конференций: «Если Китай располагает такими бесспорными доказательствами суверенитета, то почему он так упорно отказывается от рассмотрения этого вопроса « третьей

стороной» или от какой-либо другой формы международного арбитража?»⁴

«Коровий язык», как единодушно считают все вьетнамские политики и ученые, – это исключительно одностороннее решение Китая, не основанное ни на каких нормах международного права и не имеющее ничего общего с Конвенцией ООН 1982 г. Оно не учитывает никаких интересов соседних государств, особенно Вьетнама. Вьетнам этот «коровий язык» никогда не признавал и не признаёт.

Все прибрежные страны отказываются признавать т.н. «исторические права» Китая на ЮКМ. Исторические аргументы и факты, с точки зрения действующего международного права, имеют мало значения для подкрепления требований Китая и Вьетнама в ЮКМ. Главное, что требуется, это реальные доказательства эффективного владения, хозяйственного использования и контроля территории претендующего на суверенитет государства. В настоящее время не просто доказать все эти вещи, если учесть, что оспариваемые острова на протяжении веков фактически были необитаемыми. Но пока все стороны заявляют, что именно их требования отвечают действующим нормам международного права

Однако в том, что касается вопроса о территориальной принадлежности островов Спратли, то заинтересованные страны практически его уже решили. Они, де-факто установили на ряде из них свой контроль, создав там поселения, построив, где было возможно, вертолетные площадки, посадочные полосы, причалы, ангары для самолетов, казармы и военные укрепления, а также учредив местную администрацию и законодательно включив их в состав своей территории.

Так, к 2012 г., по данным Гавайского исследовательского центра «Восток – Запад», больше всех контролировал Вьетнам – 25 островов, атоллов и рифов (из них только 7, действительно, можно считать островами). Китай, в конечном счете, овладел 12 островами, отмелями, рифами и атоллами вдоль восточной части архипелага, вблизи которых и проходят главные морские коммуникации ЮКМ. Некоторые из них оборудованы радарными установками, артиллерийскими позициями и укреплениями, вертолетными площадками, складами для продоволь-

ствия и боеприпасов. У Филиппин 9 островов, но самая длинная взлетно-посадочная полоса в 1300 м. Малайзия имеет 5 островов. Тайвань владеет одним, но зато самым большим островом – Тайпиндао.

Таким образом, практически все пригодные для жизни и использования острова и атоллы к настоящему времени оказались де-факто уже поделенными. Но суверенитет над ними по-прежнему оспаривается и ни за одним не признается исключительная экономическая зона. Формально сохраняя эту «внешнюю оболочку», территориальные споры в ЮКМ к настоящему времени в большей степени трансформировались в споры о суверенных правах на разведку и добычу углеводородов на шельфе в соответствующих ИЭЗ, а также на промысел морепродуктов в прилегающих к островам водах.

В последние годы обстановка в ЮКМ вновь резко обострилась. Это было вызвано Объявлением в ноябре Зоны оповещения ПВО КНР в Восточно-Китайском море, которая включила воздушное пространство над островами Сенкаку, на которые претендует Япония. Ожидалось, что такая же зона будет вскоре объявлена и в ЮКМ. Но этого не произошло. Зато в декабре власти провинции Хайнань приняли постановление, по которому все иностранные рыболовецкие и исследовательские суда, находящиеся в зоне пресловутой линии «коровьего языка», были обязаны запрашивать у них разрешение на эту деятельность. Тем самым внутренняя юрисдикция китайских провинциальных властей распространялась на большую часть акватории ЮКМ. Естественно это вызвало бурное возмущение, прежде всего, Вьетнама и Филиппин.

Территориальные споры усилились, и Пекин действует и будет действовать, исходя из посылки, что обострение противоречий происходит главным образом из-за стратегии США, направленной на сохранение своей гегемонии и «сдерживание» Китая. И потому никакие уверения американских политиков, что этот «разворот» никак не направлен против Китая, не могут и не смогут ослабить их убеждения в противном.

Для Китая как региональной державы, находящейся на пути превращения в глобальную сверхдержаву и пытающейся усилить свое влияние в Азии и особенно в ЮВА, регион ВМ

является важным «задним двором», который призван защищать континентальный Китай от любой агрессии с моря. Его цель – обеспечить свои интересы, прежде всего в рамках «стратегического пояса стабильности» в близлежащих морях. Он проходит по первой линии островов от Японии, через Тайвань, Филиппины и до Индонезии. Усилия по наращиванию мощи китайских ВМС и модернизации НОАК направлены на то, чтобы получить возможность при необходимости вытеснить ВМС США для начала хотя бы за эту первую линию островов. Соответственно стратегия США направлена на преодоление всех этих преград для их стратегии удара с моря и воздуха

Объективный анализ сложившейся ситуации показывает, что Китай имеет серьезные основания для защиты своих важнейших морских коммуникаций в ВМ. Китай не может удовлетворять такое положение, когда их безопасность зависит от воли США и их союзников. Это отрицать невозможно и недальновидно. Но можно ли удовлетворить интересы Китая за счет интересов соседей? Можно ли обеспечить свою безопасность в ущерб безопасности других? Или всё-таки необходимо найти баланс этих интересов, равную для всех безопасность. Вот это оказывается пока самым трудным и до сих пор не решенным вопросом.

Возможные амбиции китайских военных в ВМ сдерживаются его экономическими, политическими и дипломатическими интересами в АТР. Они, вероятно, с легкостью могли бы занять все спорные острова и районы, но они не могут это сделать без большого и, возможно, невосполнимого ущерба интересам страны в мире. Ибо в этой ситуации Китай будет выглядеть агрессором и нарушителем всех своих обязательств по многосторонним и двусторонним договорам. Все усилия руководства представить Китай ответственным членом мирового сообщества, «мирно поднимающейся державой» пропадут в тот же день. И даже если агрессия не выйдет за рамки оккупации отдельных островов и никто из других стран не будет в это вмешиваться, Китай окажется в глубокой изоляции и в состоянии «холодной войны» с США и их союзниками и партнерами в АТР и во всем мире.

Таким образом, широкомасштабная обычная (не ядерная) война в регионе представляется мало вероятной. Более вероятной кажется возможность просчета или ошибки, которые могут привести к столкновениям на море, способным перерасти в серьезный конфликт.

Наиболее вероятный сценарий – это новые инциденты между вьетнамскими рыбаками и китайскими полувоенными кораблями рыбнадзора. Это не будут боевые столкновения в военном смысле слова. США, скорее всего, на такие инциденты реагировать либо не будут, либо ограничатся общими призывами к сдержанности обеим сторонам. Скорее они могут оказывать дипломатическую поддержку Филиппинам, которые, так или иначе, являются их союзниками.

В сложившихся условиях в Восточном море Россия занимает ответственную позицию активного нейтралитета. При любом повороте событий для России важно не оказаться между двух огней, и всегда иметь возможность влиять на ситуацию. Этому способствует тот факт, что её связывают отношения стратегического партнерства, как с Китаем, так и с одним из его главных оппонентов в споре за суверенитет в ЮКМ – Вьетнамом.

На представительной конференции по проблемам безопасности в Мюнхене в январе 2012 г. глава МИД России С. Лавров категорически заявил, что Россия «не будет участвовать ни в каких конструкциях, имеющих целью так называемое «сдерживание» Китая, который является нашим добрым соседом и стратегическим партнером».⁵

Надо прямо сказать, что мы здесь собрались не для раздувания пресловутой «китайской угрозы» или нагнетания ксенофобии в отношении наших китайских соседей, которой, к великому сожалению, и без нас хватает. Мы знаем и ценим, что наши страны связаны дружественными отношениями стратегического партнерства и плодотворного сотрудничества. Это величайшее достижение внешней политики России за все постсоветские годы. Наши отношения успешно развиваются во всех областях, и они исключительно важны не только для наших двух государств, но и для всего АТР, включая все малые и средние государства этого региона. Только представьте на ми-

нугу, что было бы с ними, если бы эти отношения приняли другой оборот. Но с позиции объективного научного анализа и просто как граждане дружественного Китаю государства мы имеем право и должны выразить свои сомнения и тревоги, которые вызывают у нас в последнее время политика и практика наших китайских партнеров в этом регионе. Особенно это относится к поднявшейся в этой связи чрезвычайно опасной волне националистических, а порой и шовинистических настроений в стремительно поднимающемся Китае. В этих условиях безоглядная и безграничная синофилия также опасна и вредна, как и её противоположность - банальная ксенофобия.

В отсутствие регионального политического соглашения или эффективного механизма предотвращения и урегулирования инцидентов в этой стратегически важной для всех зоне мира будет сохраняться нестабильность и потенциальная угроза.

Но вновь осложнившаяся ситуация всё-таки не безнадежна. Медленно и с большим трудом, здесь формируется архитектура безопасности, создающая возможности для сотрудничества в решении самых сложных проблем и противоречий, унаследованных из истории. Возможности для преодоления взаимного стратегического недоверия и налаживания сотрудничества в сфере безопасности кроются в растущей экономической взаимозависимости Китая, США, Японии и стран АСЕАН. И есть основания полагать, что реальное понимание последствий возможного конфликта руководством всех участвующих в споре государств будет и дальше побуждать их к поиску разумного политического решения. Нельзя допускать только одного - вмешательства посторонних сил. Справедливое и приемлемое для всех решение может быть найдено только самими участниками споров, если они будут действовать в духе доброй воли и компромисса, опираясь на испытанный «метод АСЕАН».

В этих условиях необходимы не обескураживающие заявления, нагнетающие скепсис, или подливающие масло в тлеющие угли конфликта, а поддержка и поощрение усилий тех стран, которые на базе более сплоченной, чем раньше, АСЕАН и в двустороннем формате пытаются выработать общий разумный подход к разрешению конфликтной ситуации.

Таковой, в сущности, и является генеральная линия российской дипломатии. Восточное море относительно далеко от границ России, и, казалось бы, развитие событий там должно находиться на периферии наших интересов. Но как крупнейшая азиатская и тихоокеанская морская держава Россия не менее других заинтересована в сохранении здесь стабильности, мира, развития и свободы судоходства. При этом у неё нет никакой скрытой повестки дня. Она не ищет привилегий, не вынашивает планов создания своих баз, и не намерена с кем-либо соперничать за влияние. Её усилия по укреплению сотрудничества с Вьетнамом и со всеми другими странами АСЕАН не направлены против третьих стран. Но и своими интересами в регионе она пренебрегать тоже не намерена.

Поэтому она проводит в АТР в целом, включая ЮВА, всё более активную, но вместе с тем взвешенную и ответственную политику, не имеющую разумной альтернативы.

¹ Подробнее см. Е.А. Канаев *op. cit*

² Е. Степанов. Южно-Китайское море: острова на материковой отмели. ПДВ №2 2006 с.60

³ Svanstrom N. "Conflict Management and Negotiations in South China Sea: The ASEAN Way? Department of Peace and Conflict Research, Upsala University, Sweden. – www.southchinssea.org/doc//Swanstrom.pdf p.106

⁴ Tran Truong Thui. The South China Sea. Towards a Region of Peace Security and cooperation. Hanoi 2011. p.101

⁵ www.mid.ru 10 01 2012